

Леди Моргана

Касание смерти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Леди Моргана

Касание смерти

<https://litres.ru/73806239>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не могу коснуться тебя, иначе ты умрёшь. Но каждый день ты дразнишь меня, раздеваясь взглядом, шепча непристойности через тонкую ткань перчатки. Ты – моя служанка, мой палач и моё единственное спасение.»

Герцог Леонард проклят ведьмой: любое его прикосновение убивает. Он живёт в изоляции с верным дворецким Робом и дерзкой служанкой Алисой. Она безумно влюблена в него и не боится смерти – напротив, она жаждет его касания даже ценой жизни. Их любовь – это игра с огнём, где каждый поцелуй через стекло, каждый шёпот у закрытой двери, каждая ночная фантазия превращается в изощрённую эротическую попытку. Смогут ли они найти способ снять проклятие, не убив друг друга? Или Алиса всё-таки заставит его коснуться её – прямо сейчас, на этих страницах? Книга 18+ содержит сцены психологического и физического соблазнения, фетишизацию запретного и откровенные описания желания без касания.

Содержание

Три года	4
«Игры с огнём»	23
«Слуга, который видел всё»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Леди Моргана

Касание смерти

Три года

Утро в поместье Эшворт начиналось одинаково уже три года.

Сначала – серый свет, пробивающийся сквозь тяжёлые бархатные шторы. Затем – шорох шагов в коридоре. Роб стучал ровно три раза, входил, раздвигал занавески, не глядя на кровать. Он никогда не смотрел на спящего герцога – из уважения или из страха, Лео не знал. Возможно, просто из привычки.

– Ваша светлость, завтрак через двадцать минут, – произносил дворецкий голосом, лишённым интонаций. – Сегодня каша с мёдом, яйца пашот и свежий хлеб. Гостя не ожидается.

– Благодарю, Роб.

Лео садился на кровати, поправляя длинную ночную рубашку. Он спал в хлопковых перчатках – тонких, почти невесомых, но достаточных, чтобы случайно не коснуться собственной кожи. Мысль о том, что даже его собственное тело могло убить его, если бы он коснулся лица или шеи, была настолько абсурдной, что он давно перестал над ней смеяться.

«Ты – оружие, Лео, – говорил ему когда-то придворный маг. – Оружие не может трогать себя. Оружие может только убивать».

Он умывался с помощью длинных щипцов, которыми Роб подавал ему влажное полотенце. Зубы чистил специальной щёткой на палке. Одевался, не касаясь пуговиц – их застёгивал дворецкий, стоя на расстоянии вытянутой руки и используя крючки из слоновой кости.

Каждое движение было ритуалом. Каждый ритуал – напоминанием о том, что он – не человек. Он – проклятие в человеческой оболочке.

Но сегодня ритуал нарушился.

Когда Лео спустился в столовую – огромный зал с дубовым столом на двадцать персон, где он всегда сидел в одиночестве во главе – он увидел, что стол накрыт не Робом.

Вместо строгого белого льна с серебряными приборами, на скатерти красовались яркие салфетки с вышитыми розами. Вместо тяжёлых подсвечников – тонкие свечи в стеклянных вазах. И вместо обычного фарфора – тарелки с золотой каймой, которые Лео не видел со смерти матери.

– Доброе утро, ваша светлость.

Она стояла у буфета, поправляя складки на своём чёрном платье. Белый фартук был завязан сзади огромным бантом, кружевная повязка на рыжих волосах сидела чуть набок, придавая ей вид непослушной школьницы. Алиса улыбалась – той самой улыбкой, от которой у Лео пересыхало

в горле.

– Что что ты сделала со столовой? – спросил он, замирая на пороге.

– Украсила. – Она пожала плечом и подошла к стулу, отодвигая его ровно настолько, чтобы Лео мог сесть, не касаясь её. – Роб сказал, что вы не любите перемены. Я решила, что это грустно. Человек, который не может трогать мир, должен хотя бы видеть красивое.

– Я не

– Садитесь, ваша светлость. Каша остывает.

Он сел. Алиса встала справа от него – ближе, чем позволяли правила. Обычно слуги держались на расстоянии трёх шагов. Она стояла на расстоянии одного вытянутого локтя. Лео чувствовал запах её духов – лаванда, ваниль и ещё что-то пряное, вроде корицы.

– Сегодня на завтрак, – начала она, поднимая крышку с серебряного блюда, – каша из риса с мёдом и фисташками. Яйца пашот на подушке из шпината. Хлеб с маслом и розовым перцем. И

Она сделала паузу, обводя рукой стол.

– я добавила малиновый джем. Вы любите джем? Роб не сказал.

– Я не знаю, – честно ответил Лео. – Я не пробовал джем с десяти лет. Руки слуг не должны пачкаться, когда они меня кормят. Джем липнет к перчаткам.

Алиса нахмурилась.

– Это глупо.

– Это безопасно.

– Безопасно для кого? Для них? – Она кивнула в сторону двери, за которой, вероятно, стоял Роб. – Или для вас?

Лео не ответил.

Алиса взяла ложку – обычную, серебряную, без длинной ручки, которой пользовались другие слуги. Она зачерпнула кашу и протянула ложку Лео. Не кладя её на тарелку. Не используя щипцы. Просто держала в руке, ожидая, пока он наклонится.

– Что ты делаешь? – спросил он шёпотом.

– Кормлю вас. Как нормального человека. Откройте рот.

– Алиса, если я случайно коснусь твоей руки

– Вы не коснётесь. – Её голос стал твёрже. – Я верю в вашу осторожность. И в свою. Ешьте.

Он послушался. Наклонился, взял губами ложку – его рот был в миллиметре от её пальцев. Он чувствовал тепло её кожи, исходящее от ложки. Каша была сладкой, с мёдом и орехами. Но вкус её был ничто по сравнению с дрожью, пробежавшей по спине.

– Видите? – улыбнулась Алиса. – Никто не умер.

– Пока, – буркнул Лео.

Следующие десять минут прошли в странном танце. Алиса кормила его с ложки, словно ребёнка – или возлюбленного. Она намазывала масло на хлеб и подносила к его губам. Она разрезала яйцо и поддевала кусочки вилкой, которую

затем протягивала ему. И каждый раз их разделяли миллиметры. Каждый раз Лео замирал, боясь вдохнуть слишком глубоко, чтобы случайно не коснуться её кожи.

Алиса, напротив, казалась совершенно спокойной. Даже весёлой.

– Вы дрожите, ваша светлость, – заметила она, подавая ему чашку чая. – Это от страха или от волнения?

– И то, и другое.

– Хорошо. Страх делает мужчину осторожным. А волнение – нежным.

Она поставила чашку на стол и вдруг наклонилась, поправляя салфетку у него на коленях. Её лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его паха. Лео замер, боясь даже дышать.

– Простите, – сказала Алиса, выпрямляясь. – Салфетка сползла. – В её глазах плясали чёртики.

– Ты делаешь это нарочно, – прошептал Лео.

– Что именно?

– Дразнишь меня.

Алиса притворно нахмурилась.

– Я? Дразню? Ваша светлость, я просто исполняю свои обязанности. Горничная должна следить, чтобы её господин был сыт, чист и доволен.

Последнее слово она произнесла с таким придыханием, что Лео почувствовал, как кровь приливает к щекам – и не только к ним.

Он отодвинулся на стуле, надеясь, что широкие складки брюк скроют его реакцию.

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Роб закончит завтрак.

– Роб занят. – Алиса взяла со стола серебряную ложку – ту самую, которой только что кормила его – и медленно, глядя ему в глаза, облизала её. Сначала кончик, потом всю ложку, проводя языком по металлу. – Вкусно. Вы оставили немного мёда.

Лео показалось, что воздух в комнате стал густым, как патока.

– Это это моя ложка, – выдавил он.

– Теперь моя. – Она улыбнулась и положила ложку в карман фартука. – Сувенир на память о первом завтраке.

Она отвернулась, чтобы взять чайник и долить ему чай. И в этот момент – случайно или намеренно – опрокинула солонку. Солонка упала, соль рассыпалась по скатерти. А ложка – большая разливательная ложка – со звоном покатилась на пол.

– Ой, – сказала Алиса, не выказывая ни капли сожаления. – Я такая неуклюжая. Ваша светлость, не могли бы вы

Она не договорила. Вместо этого она посмотрела на ложку, валяющуюся у ног Лео, потом на него.

– Поднимите, – мягко попросила она.

Лео замер.

– Ты хочешь, чтобы я **наклонился** и **коснулся** пола? Ру-

ками? – спросил он медленно.

– Нет. – Алиса покачала головой. – Я хочу, чтобы вы подняли ложку. Просто наклонитесь и возьмите её.

– Ты знаешь, что я не могу.

– Почему?

– Потому что если я коснусь пола – а пол грязный, на нём пыль, остатки еды, бактерии – и эти бактерии окажутся на моей коже, они умрут? Или я убью их? Или – Он замолчал, понимая, что звучит как безумец.

Алиса рассмеялась.

Не зло. Не насмешливо. А звонко, искренне, как смеются люди, которые видят что-то абсурдное и нелепое.

– Ваша светлость, – сказала она, вытирая слёзы. – Вы правда думаете, что ваше проклятие распространяется на **ложку**? И на **пол**? И на **микробов**?

– Я не знаю, – признался Лео. – Я не проверял. Я не хочу никого убивать.

– Но ложка не живая.

– А пыль? А бактерии? А если под полом живёт червяк, и я через доску его убью?

Алиса посмотрела на него с восхищением.

– Вы удивительный человек, ваша светлость. Вы боитесь убить червяка через сантиметр дерева, но при этом готовы смотреть, как я облизываю вашу ложку.

Она подошла к нему, присела на корточки рядом со стулом и заглянула в глаза снизу вверх.

– Поднимите ложку, – повторила она уже без улыбки. – Я прошу вас.

– Я не могу.

– Не можете или боитесь?

– Это одно и то же.

– Нет. – Алиса коснулась его колена – через ткань брюк, но всё равно Лео вздрогнул. – Не можете – значит, физически неспособны. А боитесь – значит, можете, но не решаетесь. Так что именно?

Лео молчал. Она ждала.

– Боюсь, – наконец выдохнул он.

– Чего?

– Что если я наклонюсь, и ты случайно коснёшься меня? Или я тебя? Или – Он закрыл глаза. – Или что я пойму, что могу трогать неживые предметы без последствий, и тогда захочу трогать живое. Тебя. А это смертельно.

Алиса медленно кивнула.

– Значит, вы боитесь не ложки. Вы боитесь себя. Своего желания.

– Да.

Она встала, подошла к ложке и подняла её сама. Но не положила на стол. Вместо этого она взяла ложку за черенок и протянула ему.

– Возьмите. Через ложку. Это металл. Он не живой. Коснитесь черенка.

Лео колебался.

– Просто возьмите, – повторила она. – Я держу за другой конец. Если я умру, вы узнаете, что проклятие передаётся через предметы. Если нет – вы сделаете первый шаг к свободе.

– А если умрёшь ты?

– Значит, я умру счастливой. – Она улыбнулась. – Доверьтесь мне, ваша светлость.

Он протянул руку. Пальцы в тонкой перчатке сомкнулись на серебряном черенке. Металл был холодным, гладким, мёртвым. Алиса держала ложку с другого конца – её пальцы в кружевных перчатках горничной были в пяти сантиметрах от его.

Ничего не произошло.

Ни искры. Ни боли. Ни смерти.

– Видите? – прошептала Алиса. – Вы можете касаться мира. Просто не всего подряд.

Она медленно, очень медленно, потянула ложку на себя. Лео не отпускал. Ложка скользила, расстояние между их пальцами сокращалось. Четыре сантиметра. Три. Два.

– Остановись, – выдохнул Лео.

Она остановилась. Между их пальцами оставался один сантиметр пустоты – и металл ложки, который их соединял.

– Я могла бы отпустить ложку, – сказала Алиса. – И тогда ты бы коснулся меня через секунду. Потому что ты бы не успел убрать руку.

– Не делай этого.

– Почему? Ты боишься умереть? Или боишься, что я умру?

– И то, и другое.

– Ложь. – Её глаза сузились. – Ты боишься, что тебе **по-
нравится**. Что когда ты коснёшься меня и увидишь, как я умираю, ты почувствуешь удовольствие.

Лео побледнел.

– Откуда ты

– Я читала ваши дневники. – Она сказала это так спокойно, будто призналась в том, что переставила книги в библиотеке. – Те, что под кроватью. Где вы пишете о снах. О том, как душите подушкой воображаемую женщину. О том, как она извивается, а вы чувствуете

– Замолчи! – Лео отпустил ложку, словно обжёгшись.

Алиса не шелохнулась. Она стояла с ложкой в руке и смотрела на него без страха, без отвращения – с пониманием.

– Ваша светлость, – мягко сказала она. – Убивать во сне и убивать наяву – разные вещи. Я не боюсь ваших снов. Я боюсь только одного – что вы так и не решитесь коснуться меня.

Она положила ложку на стол и отошла.

В этот момент в дверь вошёл Роб. Дворецкий был, как всегда, безупречен: чёрный фрак, белые перчатки, бесстрастное лицо. В руках он нёс длинные металлические щипцы с резиновыми насадками на концах.

– Ваша светлость, – произнёс он, не глядя на Алису. – Я

слышал звон. Вам нужна помощь?

– Нет, Роб, всё в порядке.

– Алиса, – Роб повернулся к ней. – Вы нарушаете дистанцию. Правила поместья запрещают приближаться к герцогу менее чем на три шага без защитного барьера.

– Какие правила? – Алиса скрестила руки на груди. – Те, что вы сами придумали?

– Те, что спасают жизнь. – Роб положил щипцы на стол. – Если вам так нравится поднимать упавшие предметы, используйте это.

Алиса посмотрела на щипцы – длинные, неуклюжие, с тупыми губками. Потом перевела взгляд на Лео.

– Вы хотите, чтобы я поднимала ложку щипцами? Как будто вы – прокажённый?

– Я хуже прокажённого, – тихо сказал Лео. – Прокажённый может коснуться другого человека и заразить его. Но тот хотя бы останется жив. Я же убиваю.

– Вы не убиваете специально.

– Это не имеет значения.

Алиса взяла щипцы, не глядя, подцепила ими ложку и бросила её в мойку. Звон металла эхом разнёсся по столовой.

– Вот, – сказала она. – Я подчинилась. Вы довольны, Роб? Дворецкий не ответил. Он молча убрал со стола грязную посуду и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Наступила тишина.

Лео сидел, уставившись в свою пустую чашку. Алиса сто-

яла у окна, глядя на серое утреннее небо.

– Прости, – неожиданно сказала она. – Я перегнула палку.

– Нет, – Лео покачал головой. – Ты права. Я слишком остро реагирую. Просто когда десять лет тебе внушают, что ты – смерть, начинаешь в это верить.

– А вы не верите?

– Не знаю. – Он поднял на неё глаза. – Иногда мне кажется, что проклятие – это только половина правды. Вторая половина – что я сам стал бояться жизни.

Алиса подошла к нему – медленно, соблюдая дистанцию. Остановилась в трёх шагах.

– Ваша светлость, – сказала она. – Я не боюсь вас. И я не боюсь умереть. Но я боюсь одного – что вы проживёте всю жизнь в этой клетке, так и не узнав, каково это – любить. По-настоящему. С касаниями. С поцелуями. С

Она замолчала, подбирая слова.

– С тем, от чего умирают? – закончил за неё Лео.

– С тем, ради чего стоит умереть.

Она поклонилась – по правилам этикета, но с каким-то вызовом – и вышла из столовой.

Лео остался один.

Он смотрел на пустое место, где только что стояла Алиса, на её чашку с недопитым чаем, на салфетку, на которой остался след её губной помады – тёмно-вишнёвой, почти чёрной.

«Она опасна», – подумал он. – «Она опаснее любого про-

клятия. Потому что заставляет меня хотеть того, чего я не могу иметь».

День тянулся медленно.

Лео провёл его в библиотеке, перебирая старые фолианты о проклятиях и их снятии. Ничего нового. Ведьма Моргана, которая наложила заклинание, исчезла. Её ритуалы были уникальны. Единственный способ снять проклятие – найти её и уговорить отменить заклинание. Или

Он захлопнул книгу.

«Или убить того, кто проклял. Но ведьма может быть уже мертва. Или бессмертна. Или»

Мысли путались.

В четыре часа Роб принёс обед – суп-пюре из тыквы, запечённую рыбу и компот. Лео ел механически, почти не чувствуя вкуса. Роб стоял в углу, наблюдая.

– Ваша светлость, – сказал дворецкий, когда тарелки опустели. – Нам нужно поговорить об Алисе.

– О чём именно?

– Она нарушает протокол. Она приближается к вам без защитных барьеров. Она – Роб запнулся. – Она флиртует с вами. Это опасно.

– Я знаю.

– Тогда почему вы не прикажете ей держаться на расстоянии?

Лео отставил чашку.

– Потому что она единственная, кто не смотрит на меня

как на чудовище. Даже ты, Роб. Ты предан, но ты боишься. Она – нет.

– Я не боюсь, – возразил дворецкий, но его глаза скользнули в сторону.

– Боишься. И правильно делаешь. – Лео встал. – Оставь нас. Я сам решу, что делать с Алисой.

Роб поклонился и вышел.

Вечер наступил незаметно.

Лео сидел в своей спальне у камина, перечитывая старый дневник – тот самый, о котором говорила Алиса. Он действительно писал там о снах. О том, как душил невидимую женщину. О том, как она таяла в его руках, а он чувствовал да, он чувствовал возбуждение. И стыд. И снова возбуждение.

«Я чудовище», – написал он в дневнике три года назад. – «Я хочу убивать. Я хочу чувствовать, как жизнь уходит из-под пальцев. Это не проклятие. Это я».

Он перечитал эти строки и закрыл дневник.

В дверь постучали.

– Ваша светлость? – голос Алисы.

– Войди.

Она вошла без перчаток. Лео заметил это сразу – её руки были голыми, бледными, с длинными пальцами, на которых не было колец. Она несла поднос с чайником и двумя чашками.

– Я подумала, вы захотите чаю перед сном.

– Спасибо.

Она поставила поднос на столик, налила чай в обе чашки – одну поставила рядом с Лео, вторую взяла себе. И села в кресло напротив. На расстоянии вытянутой руки.

– Не слишком близко? – спросила она, заметив его напряжение.

– В самый раз.

Они пили чай молча. Пламя камина отбрасывало тени на стены, делая их огромными и зловещими. Где-то в саду ухал филин.

– Ты читала мой дневник, – наконец сказал Лео.

– Да.

– И не убежала?

– Я уже говорила: меня не пугают твои фантазии. – Алиса поставила чашку. – Знаешь, что меня пугает по-настоящему?

– Что?

– Что ты никогда не попробуешь их осуществить. Даже если найдётся способ снять проклятие. Ты так привык к своей клетке, что боишься выйти из неё даже тогда, когда дверь открыта.

– Дверь не открыта. – Лео горько усмехнулся. – У меня даже нет ключа.

– А если я – ключ?

Она встала и подошла к нему. Медленно, как пантера. Встала прямо перед ним, так что её колени коснулись его ко-

лен через ткань брюк. Он не отодвинулся.

– Алиса

– Шшш. – Она приложила палец к своим губам. – Не говори ничего. Просто слушай.

Она опустилась на колени перед его креслом. Теперь её лицо было на уровне его пояса. Лео замер, боясь пошевелиться.

– Я хочу, чтобы ты коснулся меня, – прошептала Алиса, глядя снизу вверх. – Не сегодня. Не завтра. Но однажды.

– Это убьёт тебя.

– Может быть. А может, нет. Ведьма Моргана не сказала, что проклятие действует на всех. Может, я – исключение.

– Ты не исключение. Все живое умирает.

– А ты проверял? – Она подалась вперёд, её дыхание коснулось его ладони, лежащей на подлокотнике. – Ты касался кого-то после матери? Животных? Растений? Насекомых?

– Нет.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Роб сказал

– Роб боится. Роб не учёный. Роб – бывший солдат, который потерял жену и теперь цепляется за тебя как за смысл жизни. – Алиса коснулась его колена – через ткань, но Лео всё равно вздрогнул. – Не верь Робу. Верь мне.

– Почему я должен верить тебе?

– Потому что я единственная, кто хочет, чтобы ты коснулся меня. Несмотря ни на что. – Она улыбнулась, и в этой

улыбке было что-то безумное, отчаянное и невероятно притягательное. – Я хочу чувствовать твои руки на своей коже. Даже если это будет последнее, что я почувствую.

Лео закрыл глаза.

– Ты ненормальная.

– Возможно. – Алиса встала, потянулась и зевнула, словно только что обсуждала погоду. – Но ты тоже ненормальный. Мы идеально подходим друг другу.

Она направилась к двери, но на пороге остановилась.

– Ваша светлость?

– Что?

– Я хочу, чтобы ты коснулся меня однажды.

Она не обернулась. Просто вышла в коридор и закрыла за собой дверь, оставив Лео одного с чашкой остывшего чая и бешено колотящимся сердцем.

Он поднял руку – ту самую, которой она касалась через ткань. Ему показалось, что на коже осталось тепло её пальцев.

«Однажды», – подумал он. – «Однажды я коснусь её. Даже если это убьёт нас обоих».

За окном завыл ветер. Лео погасил свечи и лёг в постель, натянув одеяло до подбородка. Но сон не шёл. В ушах всё ещё звучал её шёпот:

«Я хочу, чтобы ты коснулся меня»

Он закрыл глаза и позволил себе представить. Как его пальцы скользят по её шее. Как она выгибается под его ла-

доньями. Как её дыхание становится прерывистым. И как Лео резко сел.

«Нет. Не сейчас. Не сегодня».

Он взял с тумбочки дневник и написал:

«День 3653. Алиса сказала, что хочет, чтобы я коснулся её. Я хочу того же. Но боюсь. Не смерти – боюсь, что мне понравится убивать. Что я – чудовище, а не жертва проклятия. Завтра я попрошу Роба найти информацию о ведьме. Может, есть способ снять проклятие без жертв. А если нет если нет, я не знаю, что буду делать».

Он закрыл дневник, спрятал под подушку и лёг.

В коридоре слышались шаги – лёгкие, быстрые. Алиса шла в свою комнату. Лео прислушался. Шаги затихли где-то в конце коридора. Хлопнула дверь.

«Спокойной ночи, Алиса», – мысленно пожелал он. – «Спокойной ночи».

Он не знал, что она стоит у своей двери, прислонившись лбом к дереву, и шепчет те же слова.

«Спокойной ночи, ваша светлость. Жди меня. Я не сдам-ся».

Утром Роб нашёл в столовой странный след – на белой скатерти, там, где сидела Алиса, был отпечаток губной помады. И под ним – слово, выведенное вилкой:

«Скоро».

Дворецкий вздохнул и убрал скатерть.

Он знал, что эта девчонка доведёт их всех до беды.

Но он не знал, что беда уже стояла у ворот поместья – в виде старой ведьмы с чёрными глазами и улыбкой, полной гнилых зубов.

Моргана вернулась.

«Игры с огнём»

Моргана появилась на пороге библиотеки ровно в полдень.

Лео узнал её сразу – высокую, костлявую, с чёрными глазами, в которых не было ни зрачков, ни радужки. Она носила длинное платье из вороньего пера и пахла болотом – тинной, гнилью и чем-то сладковатым, от чего у Лео начинало кружиться голова.

– Герцог Эшворт, – проскрежетала ведьма, не дожидаясь приглашения. – Вы выросли. А я думала, вы умрёте в детстве.

– Ещё не умер, – ответил Лео, откладывая книгу. – Зачем вы пришли?

– Соскучилась. – Моргана улыбнулась, обнажив жёлтые зубы. – И хочу посмотреть, как вы мучаетесь. Это моя плата за проклятие – наблюдать.

– Вы чудовище.

– Я ведьма. Это синоним.

Она прошлась по комнате, касаясь корешком книг своими длинными пальцами с чёрными ногтями. Роб стоял у двери, сжимая рукоять кинжала, но не вмешивался – против магии он был бессилен.

– У вас появилась новая служанка, – заметила Моргана, останавливаясь у портрета матери Лео. – Рыжая. Дерзкая.

Она не боится вас.

– Это не ваше дело.

– О, но моё. – Ведьма резко обернулась. – Потому что она может разрушить моё проклятие. Если вы коснётесь её с искренней любовью – не похотью, а любовью – заклинание ослабнет. Возможно, даже исчезнет.

Лео замер.

– Вы лжёте.

– Ведьмы не лгут, герцог. Мы говорим полуправду. – Моргана подошла к нему вплотную – настолько близко, что он почувствовал запах гнилых цветов. – Ваше проклятие держится на страхе. На страхе смерти. Если вы перестанете бояться – перестанете и убивать. Но для этого нужно коснуться того, кого вы любите больше жизни. И рискнуть.

– Зачем вы говорите мне это? – прошептал Лео. – Вы же сами наложили проклятие.

– Потому что я устала. – Ведьма пожала плечами. – Смотреть на ваши страдания было забавно первые десять лет. Теперь скучно. Либо вы снимете проклятие сами, либо я сниму его сама – ценой вашей жизни. Выбирайте.

Она щёлкнула пальцами и исчезла, оставив после себя облачко чёрного дыма и запах серы.

Роб подошёл к Лео.

– Ваша светлость, ей нельзя верить.

– А если она сказала правду? – Лео смотрел на то место, где только что стояла ведьма. – Если мне действительно до-

статочно коснуться Алисы с любовью?

– Она умрёт.

– А если нет?

Роб молчал. Он не знал ответа.

Вечером того же дня Лео сидел в спальне и смотрел на свои руки. Белые перчатки лежали на столике – он снял их впервые за много лет. Кожа была бледной, почти прозрачной, с голубыми венами, просвечивающими сквозь плоть.

«Если я коснусь ею – она умрёт. Если не коснусь – я умру от одиночества. Что хуже?»

В дверь постучали.

– Ваша светлость? – Алиса.

– Войди.

Она вошла без подноса, без чая, без предложения. В простом чёрном платье, с распущенными волосами – рыжая грива падала на плечи, скрывая кружево фартука.

– Моргана была здесь, – сказала Алиса, закрывая дверь за собой. – Я видела её из окна конюшни.

– Она сказала, что проклятие можно снять любовью.

– Я знаю.

– Откуда?

– Я тоже умею читать старые книги, ваша светлость. – Алиса подошла к кровати, на которой он сидел, и опустилась на край – на безопасном расстоянии. – Проклятия страха снимаются бесстрашием. Если вы коснётесь меня и не захотите моей смерти – я не умру.

– Это теория.

– Это единственный шанс.

Она сняла перчатки – свои, кружевные – и положила их на колени. Голые руки, бледные, с тонкими запястьями, лежали на чёрной ткани, как две змеи.

– Я хочу, чтобы вы коснулись меня, – повторила Алиса. – Не через стекло. Не через ткань. Не через перчатку. Кожей к коже.

Лео судорожно сглотнул.

– Не сегодня.

– Тогда когда? – Её голос дрогнул. – Когда Моргана вернётся и убьёт вас? Когда вы состаритесь в этой комнате, так и не узнав вкуса женских губ? – Она подалась вперёд, её лицо оказалось в нескольких дюймах от его. – Я не хочу ждать, ваша светлость. Я хочу **сейчас**.

– Алиса

– Потанцуйте со мной.

– Что?

– Потанцуйте. – Она встала, отошла к центру комнаты и протянула ему руку. – Не касаясь. На расстоянии. Как на балу, только без музыки.

Лео колебался. Потом встал – голый руки он спрятал за спину, боясь даже случайно задеть её.

– Я не умею танцевать.

– Я научу.

Она подошла ближе – так, что их разделял один шаг. Под-

няла руки и замерла, ожидая, пока он сделает то же самое.

– Положите ладони напротив моих. Не касаясь. Противопоставьте тепло.

Лео медленно поднял руки. Его ладони – бледные, дрожащие – замерли в миллиметре от её. Он чувствовал жар, исходящий от её кожи. Жар живой, пульсирующий, опасный.

– Теперь двигайтесь за мной, – прошептала Алиса и начала медленно водить руками в воздухе, рисуя невидимые круги.

Он повторял. Их пальцы почти соприкасались, но не касались. Воздух между ладонями нагревался, становясь плотным, почти осязаемым.

– Вы чувствуете? – спросила Алиса. – Это электричество. Это желание. Это то, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они слишком близко.

– Я чувствую только страх, – признался Лео.

– Страх – это тоже форма возбуждения.

Она сделала шаг вперёд – теперь их разделяли сантиметры. Лео отшатнулся, но она поймала его взгляд.

– Не отступайте. Смотрите на меня.

Он посмотрел. В зелёных глазах Алисы плясали отблески свечей. Она улыбалась – той самой улыбкой, от которой у него перехватывало дыхание.

– Разденьте меня взглядом, – сказала она. – Представьте, что вы срываете с меня платье. Пуговица за пуговицей. Кружево за кружевом.

– Алиса

– Я знаю, вы можете. Вы делали это в своих снах. – Она провела руками по своей груди – не касаясь, просто описывая контуры. – Представьте, что мои пальцы – ваши. Вот я расстёгиваю лиф. Вот платье падает к ногам. Вот я остаюсь в одной тонкой сорочке.

Лео тяжело дышал. Его руки дрожали в воздухе.

– Вы хотите меня? – спросила она прямо.

– Да, – выдохнул он. – Боги, да.

– Тогда покажите.

Она сделала ещё шаг – теперь их разделял всего миллиметр. Лео чувствовал тепло её груди через ткань платья. Если бы он сделал вдох глубже – коснулся бы.

– Коснись меня, – прошептала Алиса. – Просто кончиком пальца. Самую малость.

– Нет.

– Боишься?

– Да.

– Хорошо. – Она отступила на шаг. – Тогда я коснусь тебя.

Прежде чем Лео успел отреагировать, Алиса протянула руку и провела кончиком пальца по его щеке.

Он замер.

Её палец был горячим, чуть влажным от пота. Он скользнул по его скуле, по подбородку, остановился на губах.

– Ты не умер, – сказала Алиса. – Я не умерла. Потому что я коснулась тебя, а не ты меня.

– Это это не считается, – прохрипел Лео. – Проклятие действует только когда я касаюсь других.

– Значит, ты можешь трогать меня через мои прикосновения. – Она улыбнулась и провела пальцем по его нижней губе. – Каково это? Чувствовать чужую руку на лице?

– Слишком слишком хорошо.

– А так?

Она наклонилась и поцеловала его в уголок губ – быстро, едва касаясь, как птица клювом. Лео почувствовал вкус её помады – вишня и мята. И тепло. И жар, разливающийся по всему телу.

– Теперь ты поцелуй меня, – сказала Алиса, отстраняясь. – Не губами. Взглядом. Проведи взглядом по моим губам так, будто ты их целуешь.

Он посмотрел. Сосредоточенно, медленно, скользя взглядом по её губам – верхней, нижней, по ямочке над верхней губой. Она тихонько застонала.

– Да. Вот так. Продолжай.

Он перевёл взгляд на её шею – длинную, бледную, с бьющейся жилкой. Представил, как целует её там, как проводит языком по ключице. Алиса запрокинула голову, открывая ему доступ.

– Если бы ты мог коснуться меня, что бы ты сделал первым делом? – спросила она шёпотом.

– Я бы обнял тебя, – ответил Лео. – Просто обнял. Крепко. Так, чтобы ты не могла дышать.

– А потом?

– Потом я бы снял с тебя платье. Не спеша. Расстёгивая каждую пуговицу губами.

– О, – выдохнула Алиса. – Продолжай.

– Потом я бы поцеловал твои плечи. Грудь. Живот. – Его голос сорвался на шёпот. – Я бы опустился на колени и поцеловал тебя там, где ты хочешь больше всего.

– Где я хочу больше всего? – Она открыла глаза, в них горел зелёный огонь. – Скажи.

– Между ног, – выдохнул Лео. – Я бы поцеловал тебя между ног, пока ты не закричала.

Алиса закусила губу.

– А потом?

– Потом я бы вошёл в тебя. Медленно. Глубоко. Так, чтобы ты чувствовала каждый миллиметр.

– И что бы я делала?

– Ты бы вцепилась мне в спину, оставила царапины. Ты бы стонала моё имя. Ты бы – Он замолчал, потому что Алиса вдруг упала на колени и обхватила его ноги руками – через ткань брюк, но всё равно он почувствовал тепло.

– Прости, – прошептала она, уткнувшись лицом в его колени. – Я не могу больше. Я хочу тебя так сильно, что мне больно.

Лео стоял, не в силах пошевелиться. Её руки обнимали его икры, её дыхание обжигало кожу через ткань. Он знал, что должен оттолкнуть её, позвать Роба, прекратить это безу-

мие.

Но он не мог.

Вместо этого он медленно опустился перед ней на колени. Их лица оказались на одном уровне – разделённые воздухом, но такие близкие, что Лео видел каждую ресницу, каждую веснушку на её носу.

– Алиса, – сказал он. – Я люблю тебя.

Она замерла.

– Не надо, – прошептала она. – Не говори этого. Потому что если ты скажешь это всерьёз, я потребую, чтобы ты коснулся меня. И тогда

– И тогда я, возможно, убью тебя.

– Да.

– Но я всё равно люблю тебя.

Она заплакала. Беззвучно, слёзы текли по щекам, падали на платье, на его руки, сжатые в кулаки.

– Зачем ты так со мной? – спросила она. – Зачем заставляешь меня надеяться?

– Потому что ты заставила меня надеяться. – Лео протянул руку – и остановился в миллиметре от её щеки. – Ты пришла в мою тюрьму и сказала, что не боишься. Ты кормила меня с ложки. Ты танцевала со мной. Ты – Он сжал кулак и убрал руку. – Ты единственное живое существо, которое я не хочу убивать. Я хочу любить тебя. Но не могу.

– Можешь, – прошептала она. – Просто коснись.

– Нет.

– Тогда позволь мне коснуться тебя.

Она потянулась к его лицу, но он отшатнулся.

– Нет, Алиса. Не сегодня. Я не готов рисковать тобой.

Она смотрела на него долгий миг. Потом встала, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и поправила платье.

– Хорошо, – сказала она голосом, в котором не осталось и следа нежности. – Будь по-твоему. Но знай: я не отступлю. Я буду приходить каждую ночь. Я буду раздеваться перед тобой. Я буду шептать тебе непристойности, пока ты не сломаешься.

– Зачем? – спросил Лео.

– Потому что я люблю тебя, – ответила Алиса. – И я готова умереть за это. Вопрос только в том, готов ли ты жить.

Она развернулась и вышла, оставив дверь открытой.

Лео остался на коленях посреди спальни.

Его руки тряслись. В паху пульсировала боль – нестерпимая, запретная. Он знал, что должен пойти в ванную и остудиться холодной водой. Вместо этого он залез под одеяло и закрыл глаза, представляя, как Алиса касается его – губами, пальцами, всем телом.

Он не спал всю ночь.

А под утро, когда за окном запели птицы, он услышал шёпот из коридора.

– Ваша светлость? – Это была Алиса. – Я знаю, вы не спите.

– Что тебе нужно?

– Ничего. – В её голосе звучала улыбка. – Просто хочу, чтобы вы знали: сейчас я стою у вашей двери голая. Совсем голая. Под плащом ничего нет.

Лео сел на кровати.

– Ты лжёшь.

– Хотите проверить? – В дверь тихонько постучали. – Я могу войти. Вы не обязаны трогать меня. Просто посмотрите.

– Алиса

– Пожалуйста. – Её голос дрогнул. – Просто посмотрите на меня. Хотя бы раз.

Лео колебался несколько секунд. Потом встал, подошёл к двери и открыл её.

Алиса стояла на пороге, закутанная в чёрный плащ. Капюшон был откинут, рыжие волосы рассыпались по плечам. Она смотрела на него снизу вверх – большими глазами, в которых не было вызова, только просьба.

– Смотри, – сказала она и развязала пояс плаща.

Ткань упала на пол.

Она была совершенно голой.

Белая кожа, розовые соски, тонкая талия, округлые бёдра – и тёмный треугольник волос внизу живота. Лео смотрел, не в силах отвести взгляд. Она не пряталась, не закрывалась – стояла перед ним, как Ева перед грехопадением.

– Красиво? – спросила она шёпотом.

– Слишком, – выдавил Лео.

– Хочешь коснуться?

– Больше всего на свете.

– Тогда почему не касаешься?

– Потому что я люблю тебя, – ответил он. – И не хочу, чтобы ты умерла.

Она улыбнулась – грустно, смирённо – и подняла плащ с пола.

– Спокойной ночи, ваша светлость.

– Спокойной ночи, Алиса.

Она ушла, а он закрыл дверь и прислонился к ней лбом.

«Я не выдержу, – подумал он. – Ещё одна такая ночь – и я коснусь её. Будь что будет».

На рассвете Роб нашёл Лео спящим на полу у двери, в одной рубашке, с мокрыми от слёз щеками.

Дворецкий ничего не сказал. Он укрыл герцога одеялом и ушёл, плотно закрыв за собой дверь.

Внизу, в кухне, Алиса пила чай и смотрела на свои руки. Те самые, которыми она касалась его лица. Она поднесла пальцы к губам и поцеловала их – там, где секунду назад была его кожа.

«Скоро», – прошептала она. – «Скоро ты коснёшься меня. Или я умру, или мы будем счастливы. Третьего не дано».

За окном занимался серый рассвет.

Ведьма Моргана сидела на ветке старого дуба и улыбалась, глядя на поместье.

– Игра началась, – прошептала она. – Посмотрим, кто ко-

«Слуга, который видел всё»

Роберт Блэквуд проснулся за час до рассвета, как делал это последние пятнадцать лет.

Его комната находилась в северном крыле поместья – маленькая, почти спартанская: железная кровать, деревянный стул, распятие на стене и шкаф с двумя сменными фраками. Ни картин, ни безделушек, ни лишних вещей. Только оружие – кинжал под подушкой, меч у двери, арбалет на стене.

Он умылся холодной водой из кувшина, оделся, не глядя в зеркало – он знал своё лицо наизусть: шрамы от старых ран, седина на висках, серые глаза, которые видели слишком много смертей.

«Сегодня будет тяжёлый день», – подумал он, застёгивая пуговицы. – «Эта девчонка перейдёт все границы».

Он имел в виду Алису.

Она появилась в поместье три месяца назад, принеся с собой запах лаванды и хаос. Роб сразу понял, что она опасна. Не потому, что она могла убить герцога – наоборот, она могла заставить его **жить**. А жить для проклятого означало рисковать.

Роб спустился вниз, проверил кухню, конюшни, караульные посты. Всё было в порядке. Алиса ещё спала – её комната находилась на женской половине, и Роб не имел права

туда входить. Но он знал, что она не спит. В последние ночи он слышал, как она ходит по коридору, останавливается у двери герцога, шепчет что-то.

«Совращает его», – с горечью думал Роб. – «И он позволяет».

В семь утра он постучал в спальню Лео.

– Ваша светлость, пора вставать.

Ответа не было. Роб подождал минуту, потом осторожно приоткрыл дверь.

Лео сидел на кровати, обхватив колени руками. Он был бледен, под глазами залегли тени, но взгляд – живой, острый, какой Роб не видел много лет.

– Доброе утро, Роб, – сказал герцог. – Сегодня я хочу принять ванну. Настоящую. В купальне.

Дворецкий удивлённо поднял бровь.

– Но, ваша светлость, вы не пользовались купальней с тех пор

– С тех пор как умерла мать, я знаю. – Лео встал, потянулся. – Сегодня буду. Подготовь воду. И скажи Алисе скажи ей, чтобы она помогла.

Роб замер.

– Ваша светлость, вы не можете позволить ей прикасаться к вам. Даже через ткань. Это слишком опасно.

– Я знаю. – Лео подошёл к зеркалу и поправил воротник рубашки – сам, без щипцов. – Но она всё равно будет рядом. Лучше пусть помогает под присмотром, чем лезет тайком.

Роб хотел возразить, но промолчал. Он поклонился и вышел.

Купальня поместья Эшворт была построена ещё прадедом Лео, который привёз моду на римские термы из своих путешествий. Огромное помещение с мраморным полом, фресками на стенах и глубокой ванной из чёрного камня, в которой могли поместиться три человека. Воду грели через систему медных труб, проходящих через камин в соседней комнате.

Роб лично проверил температуру – ровно тридцать восемь градусов, как любил герцог. Разложил на мраморной скамье чистые полотенца, халат, специальную щётку на длинной ручке для мытья.

Когда он закончил, в дверь постучали.

– Это Алиса, – раздался голос. – Мне велели помочь.

Роб открыл дверь. Алиса стояла в своей обычной униформе – чёрное платье, белый фартук, кружевная повязка – но без перчаток. Её руки были голыми.

– Где перчатки? – спросил Роб.

– Потеряла. – Она улыбнулась. – Не волнуйтесь, я не буду трогать герцога голыми руками. Только через щётку или ткань.

– Я буду следить.

– Конечно, будете. – Она прошла мимо него, оставляя за собой запах ванили. – Вы всегда следите.

Лео вошёл в купальню через пять минут, закутанный в

длинный халат. Он был босиком – Роб заметил, что герцог сам снял обувь, без помощи щипцов. Ещё одно маленькое нарушение правил.

– Алиса, – кивнул Лео. – Роб. Я разденусь сам. Отвернитесь.

Роб послушно повернулся к стене. Алиса – нет. Она смотрела, как Лео медленно снимает халат, обнажая бледную спину, узкие бёдра, длинные ноги. Роб услышал её тихий вздох и стиснул зубы.

– Всё, – сказал Лео через минуту. – Я в воде.

Роб обернулся. Герцог сидел в ванне по грудь, вода доходила ему до ключиц. Его руки лежали на бортике – голые, без перчаток, потому что камень не живой.

– Роб, подай мне щётку, – попросил Лео.

Дворецкий взял длинную щётку с деревянной ручкой и протянул её герцогу. Тот начал мыться сам – неуклюже, но старательно, вода щетиной по плечам, груди, животу.

Алиса стояла в углу, сложив руки на груди, и смотрела.

– Вы пропускаете спину, – заметила она.

– Я знаю, – буркнул Лео. – Не могу дотянуться.

– Позвольте мне.

– Нет.

– Ваша светлость, я буду держать щётку. Вы не коснётесь меня. – Она подошла к ванне и протянула руку. – Дайте мне щётку.

Лео колебался, но передал ей инструмент. Алиса взялась

за рукоятку, окунула щетину в воду и начала водить по его спине – круговыми движениями, медленно, с нажимом.

– Сильнее? – спросила она.

– Да, – выдохнул Лео.

Она нажала, проводя щёткой по лопаткам, по позвоночнику, по пояснице. Роб видел, как напряглись мышцы герцога, как его пальцы впились в каменный бортик.

– Расслабьтесь, – прошептала Алиса. – Вы слишком напряжены.

– Я не могу расслабиться, когда ты стоишь так близко.

– А вы представьте, что я не я. Представьте, что я – просто руки. Бесплотные руки.

– Это не помогает.

Алиса улыбнулась и перестала водить щёткой. Вместо этого она наклонилась и прошептала ему на ухо:

– А если я скажу, что сегодня ночью снова приду к вашей двери голая?

Роб услышал. Он сделал шаг вперёд, но Лео опередил его.

– Алиса, прекрати, – сказал герцог, но в его голосе не было злости. Только усталость и желание.

– Не прекращу. – Она выпрямилась и отдала щётку Робу.

– Я буду делать это снова и снова, пока вы не сдадитесь.

Она вышла из купальни, оставив Роба и Лео наедине с паром и тяжёлым молчанием.

Роб опустил на скамью.

– Ваша светлость, – начал он. – Я служу вам пятнадцать

лет. Я видел, как вы превратились из плачущего мальчика в мужчину, который боится собственных рук. Я молчал, когда вы перестали есть, когда вы не вставали с постели, когда вы кричали по ночам от кошмаров. — Он замолчал, подбирая слова. — Но я не могу молчать сейчас. Эта девушка убьёт вас.

— Она хочет меня спасти, — тихо сказал Лео.

— Она хочет себя спасти. — Роб посмотрел герцогу в глаза. — Она влюблена в образ. В проклятого принца, которого нужно расколдовать поцелуем. Но в реальности, если вы коснётесь её, она умрёт. И вы останетесь с этим на всю жизнь.

— А если нет?

— А если да?

Лео закрыл глаза.

— Ты прав, Роб. — Он вылез из ванны, накинул халат. — Но я не могу её прогнать. Потому что без неё я снова стану тем мальчиком, который не вставал с постели. Я лучше умру от попытки любить, чем проживу ещё десять лет в мёртвой тишине.

Роб хотел сказать что-то ещё, но передумал. Он помог герцогу высушить спину, застегнуть рубашку, надеть перчатки. Молча. Как всегда.

Когда Лео ушёл в библиотеку, Роб остался в купальне один.

Он смотрел на мутную воду, в которой ещё плавали пузырьки мыльной пены, и вспоминал.

Пятнадцать лет назад.

Роберт Блэквуд был капитаном гвардии герцога Эшворта – отца Лео. Он воевал, пил, любил женщин, а потом встретил Элинора.

Она была дочерью кузнеца, простая, необразованная, с руками, шершавыми от работы. Но когда она улыбалась, Роб забывал обо всём на свете. Они поженились через три месяца после знакомства. Через год родилась дочь – Лили, рыжая, как мать, с зелёными глазами.

Роб был счастлив. Впервые в жизни.

А потом пришла чума.

Она выкосила деревню за неделю. Роб был в походе, когда получил письмо от соседа: «Элинора и Лили умерли. Приезжай хоронить».

Он приехал через три дня. Их уже похоронили – в общей могиле, без крестов, без имён. Роб стоял у свежего холмика и смотрел на землю, под которой лежали его девочки.

Он не плакал. Он разучился плакать ещё в первом бою, когда его друг истекал кровью у него на руках.

Вместо этого он вернулся в поместье, попросил у старого герцога убежище и клятву: «Я буду служить твоему сыну, пока не умру. У меня больше нет семьи».

Старый герцог – мудрый, седой, с добрыми глазами – положил руку ему на плечо (тогда ещё можно было касаться, проклятие не перешло к наследнику).

– Будь ему отцом, Роб. У меня нет времени – сердце слабо. Вырасти его.

Роб кивнул.

Через год старый герцог умер – от инфаркта, не от проклятия. Маленький Лео остался с матерью, которая боялась собственного сына, и с Робом, который не умел выражать чувства.

А потом случилось проклятие.

Роб помнил тот день в оранжерее. Помнил крик Лео, когда роза рассыпалась в прах. Помнил, как мать герцога побежала к сыну, обняла его – и умерла.

Он помнил, как Лео смотрел на свои руки. В его глазах был не страх. В его глазах была смерть.

«Я чудовище», – прошептал мальчик. – «Я убил маму».

Роб подошёл к нему – медленно, осторожно. Остановился в двух шагах.

– Ты не чудовище, – сказал он. – Ты ребёнок, на которого наложили проклятие.

– Коснись меня, – попросил Лео. – Проверь.

– Нет.

– Боишься?

– Да. – Роб не стал врать. – Боюсь умереть. Но не потому, что дорожу жизнью. А потому, что если я умру, тебе некому будет подавать завтрак.

Лео тогда не понял шутки. Но запомнил.

С тех пор прошло десять лет.

Роб научился кормить герцога щипцами, одевать его крючками, мыть щётками. Он стал его руками, ногами, гла-

зами. Он забыл, каково это – прикасаться к другому человеку.

Иногда, по ночам, ему снилась Элинора. Она улыбалась, звала его, протягивала руки. Но когда он пытался обнять её, она рассыпалась в прах – прямо как та роза.

– Роб?

Голос Алисы вырвал его из воспоминаний.

Дворецкий открыл глаза – он всё ещё сидел в купальне, на мраморной скамье. Вода в ванне остыла.

– Что тебе нужно? – спросил он, не поворачивая головы.

– Поговорить. – Алиса села рядом, оставив между ними одно пустое место. – О вас. О герцоге. О нас.

– О нас не о чем говорить.

– Вы ошибаетесь. – Она посмотрела на его профиль – жёсткий, с квадратной челюстью, шрамом на подбородке. – Вы любили кого-то? До того, как стали слугой?

Роб молчал.

– Я знаю, что любили, – продолжила Алиса. – У вас такие глаза. Как у герцога, когда он смотрит на меня. Голодные.

– Не лезь в мою душу, девчонка.

– Я лезу не в душу. Я пытаюсь понять, почему вы так боитесь, что я прикасаюсь к нему. – Алиса повернулась к нему лицом. – Вы боитесь, что я умру? Или боитесь, что я не умру, и он наконец-то будет счастлив – без вас?

Роб резко встал.

– Ты ничего не знаешь.

– Тогда расскажи.

Он посмотрел на неё сверху вниз. В её зелёных глазах не было насмешки – только любопытство и странное сочувствие.

– Я потерял жену и дочь, – сказал Роб. – Чума. Я не успел проститься. – Он сделал паузу. – С тех пор я не прикасался ни к одной женщине. И не хочу.

– Потому что боитесь новой потери?

– Потому что я дал клятву.

– Клятву – или вы просто трус? – Алиса встала, оказавшись с ним лицом к лицу. – Вы боитесь полюбить снова. Поэтому цепляетесь за герцога как за спасательный круг. Пока он проклят – вы нужны. А если он исцелится – вы станете лишним.

Роб побелел.

– Убирайся.

– Я уйду. – Алиса направилась к двери, но на пороге остановилась. – Но запомните, Роберт Блэквуд: я не боюсь смерти. Я боюсь только одного – прожить жизнь, ни разу не коснувшись того, кого люблю. Вы уже так живёте. Не заставляйте герцога повторить вашу судьбу.

Она вышла.

Роб остался один в остывшей купальне.

Он подошёл к зеркалу – старому, в потёртой серебряной раме – и посмотрел на своё отражение.

«Трус», – подумал он. – «Она права. Я трус».

Он провёл рукой по своему лицу – шершавой ладонью, покрытой мозолями. Кожа была тёплой, живой. Он почти забыл это ощущение – прикосновение к самому себе.

«Элинор», – прошептал он. – «Прости меня».

В зеркале ему никто не ответил.

Вечером того же дня Лео сидел в библиотеке, перелистывая книгу о древних проклятиях. Роб стоял у двери, как обычно, но сегодня его молчание было тяжелее обычного.

– Роб, – позвал Лео. – Ты сегодня сам не свой.

– Всё в порядке, ваша светлость.

– Не ври. – Лео отложил книгу. – Это из-за Алисы?

– Да. – Роб сделал шаг вперёд. – Она сказала мне правду. Я трус.

– Ты – самый храбрый человек, которого я знаю, – возразил Лео. – Ты остался со мной, когда все ушли. Ты рисковал жизнью каждый день, принося мне еду. Ты

– Я боялся. – Роб перебил его. – Я боялся не смерти. Я боялся, что если ты умрёшь, мне не для чего будет жить. – Он замолчал, собираясь с духом. – Алиса права. Я привязался к тебе, потому что потерял семью. Ты стал моей семьёй. Но если ты найдёшь способ снять проклятие и будешь счастлив с ней я останусь один.

Лео встал и подошёл к дворецкому – остановился в трёх шагах, как всегда.

– Ты никогда не будешь один, Роб. – Его голос был твёрдым. – Ты мой друг. Мой отец. Мой спаситель. Даже если я

сниму проклятие и женюсь на Алисе, ты всегда будешь рядом. Если, конечно, сам не захочешь уйти.

— Куда мне идти? — горько усмехнулся Роб. — Моя жизнь здесь.

— Тогда не бойся. — Лео протянул руку — в перчатке, но всё равно Роб отшатнулся. — Я не коснусь тебя. Я просто хочу, чтобы ты знал: я благодарен тебе.

Роб смотрел на руку герцога. Белая перчатка, тонкая кожа, длинные пальцы — такие же, как у старого герцога, его отца.

— Я не достоин, — прошептал Роб.

— Ты более чем достоин. — Лео убрал руку. — А теперь иди отдыхай. Завтра будет новый день.

Роб поклонился и вышел.

В коридоре он столкнулся с Алисой. Она стояла у окна, глядя на луну.

— Вы поговорили? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да.

— И что вы поняли?

— Что я старый дурак, — ответил Роб. — И что ты, возможно, не так уж и опасна.

Алиса обернулась и улыбнулась — той улыбкой, которая могла растопить лёд.

— Я опасна, — сказала она. — Но только для тех, кто боится жить.

Она прошла мимо него и скрылась в своей комнате.

Роб постоял ещё минуту, глядя на закрытую дверь. Потом медленно поднялся к себе, снял фрак, лёг на кровать.

Перед сном он достал из-под подушки маленький медальон – с миниатюрным портретом Элинор и Лили. Он не открывал его много лет.

«Простите меня, девочки, – прошептал он. – Я не смог вас защитить. Но, может быть, я смогу защитить его. И её».

Он закрыл медальон и убрал обратно.

В первый раз за пятнадцать лет он позволил себе заплакать.

А внизу, в спальне герцога, Алиса снова стояла у двери – голая под плащом, с зажжённой свечой в руке.

– Ваша светлость, – прошептала она. – Я здесь.

Лео открыл дверь.

Он был без перчаток.

– Входи, – сказал он. – Но не касайся меня.

– А ты меня? – спросила она, переступая порог.

– Я не буду.

Она сбросила плащ. Свеча осветила её тело – белое, трепещущее, с розовыми сосками, затвердевшими от холода или возбуждения.

– Сядь на кровать, – приказал Лео.

Она села. Он опустился на колени перед ней – на расстоянии вытянутой руки.

– Раздвинь ноги, – сказал он хрипло.

Она раздвинула. Лео смотрел на её лоно – тёмное, влажное, пульсирующее. Он не касался. Он только смотрел.

– Ты хочешь, чтобы я вошёл в тебя? – спросил он.

– Да, – выдохнула Алиса.

– Я не могу. Но я могу смотреть. И говорить. – Он наклонился ближе, его губы почти коснулись её уха. – Закрой глаза и представь, что мои пальцы внутри тебя.

Она закрыла глаза.

– Я провожу по твоим губам, – зашептал Лео. – Медленно. Сначала одну, потом другую. Ты влажная, горячая. Я вхожу в тебя одним пальцем – глубоко. Ты стонешь.

Алиса застонала – по-настоящему.

– Ещё, – прошептала она.

– Я добавляю второй палец. Растягиваю тебя. Ты сжимаешься вокруг меня, не хочешь отпускать. Я шевелю пальцами – вот так, круговыми движениями. Ты чувствуешь?

– Да, – простонала она, впиваясь ногтями в простыню. – О да.

– Я нахожу твоё самое чувствительное место – вот здесь, внутри, у входа. Я нажимаю на него – раз, два, три. Ты кончаешь?

– Скоро, – её дыхание сбилось. – Не останавливайся.

– Я не останавливаюсь. Я вхожу в тебя третьим пальцем – ты такая узкая, такая тугая. Я чувствую, как ты пульсируешь. Ты готова?

– Да! – закричала Алиса. – Да, да, да!

– Тогда кончай, – прошептал Лео. – Кончай для меня.

Она закричала – громко, отчаянно, выгибаясь на кровати. Её тело сотрясала дрожь, слёзы текли по щекам, а Лео сидел на коленях и смотрел, не в силах прикоснуться.

Когда судороги прошли, Алиса открыла глаза.

– Ты даже не коснулся меня, – прошептала она. – А я я никогда не чувствовала ничего подобного.

– Это только слова, – сказал Лео. – Но когда-нибудь я сделаю это по-настоящему.

– Когда?

– Скоро. – Он встал, подал ей плащ. – А теперь иди. Роб не должен знать, что ты была здесь.

Алиса оделась, поцеловала его в щёку – через ткань воротника – и вышла.

Лео остался один, с дрожащими руками и бешено колотящимся сердцем.

Он посмотрел на свои пальцы – бледные, длинные, смертоносные.

«Скоро, – пообещал он себе. – Я коснусь её. И будь что будет».

За окном выла луна.

Ведьма Моргана сидела на крыше и улыбалась.

– Любовь, – прошептала она. – Какая скука. Я предпочитаю страх.

Она щёлкнула пальцами, и в комнате Лео погасли все свечи.

Герцог вздрогнул, но не закричал.

Он знал, что ведьма наблюдает.

И он знал, что игра только начинается.

Конец главы 3

Объём: ~22 600 знаков с пробелами.

Хотите продолжение – **Главу 4: «Первый поцелуй через стекло»**? Или может быть сцену с ведьмой? Я готов написать дальше.

Мы уже написали пролог и три главы. Пользователь говорит "да" на продолжение. Значит, пишем Главу 4. Напомню контекст: после сцены в спальне, где Лео "вербально" довёл Алису до оргазма, ведьма наблюдает. В главе 4 по плану "Первый поцелуй через стекло". Нужно сохранить стиль, объём 20k+ знаков, эротическое напряжение, без ЛГБТ. Также можно добавить развитие сюжета с ведьмой. Начну.

После той ночи что-то изменилось.

Лео проснулся с чувством, которого не испытывал много лет — лёгкости. Будто камень, давивший на грудь, стал чуть меньше. Он всё ещё боялся своих рук, всё ещё носил перчатки, всё ещё держал дистанцию. Но внутри, глубоко-глубоко, зарождалась надежда.

Алиса не приходила к его двери следующей ночью. И через ночь. И через три.

Лео начал беспокоиться.

— Роб, где Алиса? — спросил он за завтраком, глядя на

пустой стул напротив — она обычно сидела там, когда он ел.

— Она попросила несколько дней отдыха, ваша светлость.

— Дворецкий наливал чай в чашку, стоя на безопасном расстоянии. — Сказала, что устала.

— Устала? От чего?

— Не уточняла.

Лео нахмурился. Он знал Алису — она не из тех, кто просит отдыха. Она из тех, кто врывается в спальню с криком «Я готова умереть от твоих рук!».

Что-то было не так.

Он отодвинул чашку.

— Я хочу её видеть.

— Ваша светлость, она просила не беспокоить её

— Роб, — голос Лео стал твёрже, — я не прошу. Я приказываю. Приведи её.

Дворецкий вздохнул, поклонился и вышел.

Вернулся он через десять минут. Один.

— Она не открывает дверь, — доложил Роб. — Но я слышал, как она плачет.

Лео встал так резко, что стул упал.

— Где её комната?

— В женском крыле, третья дверь по коридору. Но, ваша светлость, вы не можете туда идти

— Почему?

— Потому что вы прокляты. — Роб преградил ему путь.

— Если вы войдёте, а она коснётся вас в порыве чувств

— Она не коснётся. — Лео обошёл дворецкого. — Я буду осторожен.

Он почти бежал по длинному коридору, считая двери. Первая — пустая комната для гостей. Вторая — кладовая. Третья. Он постучал.

— Алиса, это я. Открой.

Тишина. Потом всхлип.

— Уходите, ваша светлость. Я я не в форме.

— Я не уйду, пока ты не откроешь.

— Пожалуйста, — её голос дрожал. — Я не хочу, чтобы вы видели меня такой.

— Какой?

— Слабой. Грязной. Жалкой.

Лео прижался лбом к двери.

— Алиса, ты видела меня в худшие моменты. Ты видела, как я плакал. Как боялся коснуться пола. Как мастурбировал под одеялом, представляя тебя. — Он замолчал. — Мы оба не идеальны. Открой.

Дверь медленно приоткрылась.

Алиса стояла на пороге в старой ночной рубашке, с расчёпанными волосами и красными глазами. Она выглядела так, будто не спала несколько дней. Под глазами залегли тени, губы потрескались.

— Ты прекрасна, — сказал Лео.

— Не ври, — буркнула она, отворачиваясь.

— Я не вру. — Он вошёл в комнату, закрыл за собой

дверь. — Ты прекрасна, потому что ты живая. Потому что ты чувствуешь. Потому что ты плачешь.

— Я плачу, потому что я дура. — Алиса села на кровать, обхватив колени. — Я думала, что смогу. Что смогу соблазнить тебя, заставить коснуться меня, и всё будет хорошо. А потом я поняла

— Что?

— Что я боюсь. — Она подняла на него заплаканные глаза. — Я боюсь не смерти. Я боюсь, что если ты коснёшься меня и я умру — ты не простишь себе этого. Ты сломаешься. А я не хочу быть причиной твоей боли.

Лео медленно опустился на пол у её ног — на безопасном расстоянии, но так близко, как только мог.

— Ты уже стала причиной моей боли, — сказал он. — Но в хорошем смысле. Ты заставляешь меня чувствовать. А это больно, когда десять лет не чувствуешь ничего.

— Я не знаю, что делать, — прошептала Алиса. — Я хочу тебя. Но я боюсь тебя потерять. Не из-за смерти — из-за того, что ты возненавидишь меня, если я умру.

— Я никогда не возненавижу тебя.

— Ты не знаешь.

— Знаю. — Он протянул руку — в перчатке — и остановился в сантиметре от её колена. — Можно?

— Не надо. — Она отодвинулась. — Если ты коснёшься меня даже через перчатку, я сорвусь. Я попрошу большего.

Лео убрал руку.

— Тогда что нам делать?

— Не знаю. — Алиса шмыгнула носом. — Может, просто поговорим? Обычный разговор. Как нормальные люди.

— Я не нормальный, — напомнил Лео.

— Я тоже, — усмехнулась она. — Я горничная, которая влюбилась в проклятого герцога и мечтает умереть от его рук. Это не нормально.

— Это безумие, — согласился Лео. — Но мне нравится.

Она улыбнулась — в первый раз за несколько дней. Слабо, но искренне.

— Расскажи мне о своей матери, — попросила Алиса. — Не о смерти. О жизни. Какой она была?

Лео задумался.

— Она любила розы. И пела. У неё был низкий голос, контраalto. Она пела мне колыбельные перед сном. — Он замолчал. — Она была счастлива с отцом. Я помню, как они танцевали в гостиной, когда думали, что никто не видит. Он кружил её, а она смеялась.

— Ты похож на неё? — спросила Алиса.

— Говорят, глаза. Такие же серые. — Он посмотрел на свои руки. — Но характером — в отца. Упрямый, замкнутый.

— Ты не замкнутый. Ты просто защищаешься.

— Возможно.

Они говорили ещё долго. О детстве, о страхах, о мечтах. Алиса рассказала, что выросла в приюте, что никогда не зна-

ла родителей, что её наняли в поместье случайно — она просто пришла и сказала: «Я буду работать бесплатно, только пустите». Роб хотел прогнать, но она упала на колени и пообещала не приближаться к герцогу.

— Ты нарушила обещание в первый же день, — заметил Лео.

— Потому что увидела тебя. — Она покраснела. — Ты сидел у окна, такой бледный, такой одинокий. Я поняла, что не могу держаться на расстоянии. Что должна подойти.

— Ты рискнула жизнью.

— Стоило того.

Они замолчали. В комнате стало темнеть — солнце садилось за деревьями.

— Мне пора, — сказал Лео, вставая. — Роб будет волноваться.

— Не уходи, — попросила Алиса. — Ещё немного.

— Не могу. Если я останусь, я сделаю глупость.

— Какую?

— Например, попрошу тебя снова раздеться.

— А если я сама разденусь?

— Алиса

— Шучу. — Она улыбнулась. — Иди. Но завтра завтра мы что-нибудь придумаем. Что-то, что не убьёт нас.

— Что, например?

— Не знаю. — Она встала, подошла к комоду и достала оттуда тонкое стекло — ровно такое, чтобы закрыть лицо. —

Например, это.

Лео уставился на стекло.

— Ты хочешь

— Поцеловать тебя через стекло, — закончила она. — Это не прикосновение. Это иллюзия. Но, может быть, этого хватит.

Он смотрел на стекло, потом на неё.

— Завтра, — сказал он. — В оранжерее. В полдень.

— Договорились.

Он вышел, а Алиса осталась одна, прижимая стекло к груди.

— Завтра, — прошептала она. — Первый поцелуй.

Оранжерея поместья Эшворт была заброшена много лет — после того дня, когда Лео коснулся чёрной розы. Стекланные стены покрылись пылью, растения засохли, фонтан пересох. Но сегодня Роб получил приказ: «Приведи оранжерею в порядок».

Дворецкий не спрашивал зачем. Он просто делал.

К полудню оранжерея сияла чистотой. Роб заменил мёртвые цветы на свежие — белые лилии и красные розы, которые не рассыпались от прикосновений, потому что их никто не трогал. Он протёр стёкла, наполнил фонтан, поставил в центр скамейку.

Когда Алиса вошла, она ахнула.

— Это это прекрасно.

— Герцог приказал, — сухо ответил Роб. — Я выполнил.

— Вы молодец, Роб.

— Не льстите мне, девчонка. — Он направился к выходу, но на пороге остановился. — Алиса?

— Да?

— Будьте осторожны. С ним. С собой. — Он не обернулся. — Я не хочу хоронить ещё кого-то.

Он вышел, оставив её одну.

Через пять минут пришёл Лео.

Он был без верхней одежды — в простой белой рубашке и чёрных брюках. На руках — тонкие перчатки. Волосы зачёсаны назад, глаза горят.

— Ты пришёл, — сказала Алиса.

— Я обещал.

Она подошла к нему, держа стекло обеими руками. Прозрачный квадрат размером с лицо, без острых краёв — Роб отшлифовал их специально.

— Как мы это сделаем? — спросил Лео.

— Я приложу стекло к твоему лицу, а потом поцелую с другой стороны. Ты почувствуешь тепло моих губ через стекло. И я почувствую твоё.

— А если стекло разобьётся?

— Не разобьётся. — Она улыбнулась. — Я проверяла. Толщина в три миллиметра. Выдерживает до ста килограммов давления.

— Ты готовилась, — усмехнулся Лео.

— Всю ночь.

Он закрыл глаза.

— Делай.

Алиса медленно поднесла стекло к его лицу. Холодный край коснулся его щёк, носа, губ. Он вздрогнул.

— Холодно.

— Сейчас согрею.

Она наклонилась и поцеловала стекло с другой стороны — прямо напротив его губ.

Лео почувствовал тепло. Её губы были горячими, мягкими, настойчивыми. Они прижимались к стеклу, и стекло передавало это давление его губам.

— Это это почти как поцелуй, — прошептал он.

— Только почти. — Она отстранилась, но стекло осталось на месте. — Теперь ты.

Он медленно прижался губами к стеклу. Сначала робко, потом смелее. Он чувствовал влажность — её дыхание оставляло след на стекле, их губы встречались через тонкий барьер, но не касались.

Алиса застонала.

— Ещё, — попросила она.

Он поцеловал сильнее. Язык коснулся стекла — он представил, что это её язык, что они целуются по-настоящему. Алиса прижалась всем телом к стеклу, и Лео почувствовал тепло её груди через тонкую ткань платья.

— Я хочу снять рубашку, — прошептала она.

— Сними.

Она отступила на шаг, не убирая стекло, и медленно растегнула пуговицы платья. Ткань упала на пол. Под ней оказалась тонкая сорочка — почти прозрачная, сквозь неё просвечивали розовые соски.

Алиса прижалась к стеклу снова — теперь уже почти голая.

— Поцелуй меня здесь, — она провела рукой по своей груди, указывая на сосок. — Через стекло.

Лео опустил голову и прижался губами к стеклу напротив её груди. Он водил языком по холодной поверхности, представляя, что это её кожа. Алиса стонала, прижимаясь сильнее, так что стекло вдавливалось в её плоть.

— Ещё, — шептала она. — Не останавливайся.

Он целовал стекло снова и снова — её грудь, живот, ключицы. Она извивалась, хваталась за его плечи через стекло, но не касалась кожи.

— Я сейчас кончу, — прошептала она. — Только от твоих поцелуев. Через стекло.

— Кончай, — сказал Лео. — Я хочу видеть.

Она запрокинула голову и закричала — тихо, сдавленно, чтобы не услышал Роб. Её тело сотрясала дрожь, слёзы текли по щекам, а Лео смотрел, не в силах отвести взгляд.

Когда судороги прошли, она упала на колени, прижимая стекло к груди.

— Боги, — прошептала она. — Если бы ты коснулся меня по-настоящему, я бы умерла от счастья.

— Или от проклятия, — напомнил Лео.

— Какая разница? — Она подняла на него влажные глаза.

— Я уже умерла. И воскресла. С каждым твоим поцелуем через стекло.

Он опустил перед ней на колени, их лица разделяло стекло.

— Алиса, — сказал он. — Я люблю тебя.

— Я знаю.

— Я хочу коснуться тебя.

— Я знаю.

— Но я боюсь.

— Я знаю, — прошептала она. — Я подожду. Сколько нужно.

Она убрала стекло и поцеловала его в щёку — через ткань его рубашки, не касаясь кожи. Лео почувствовал тепло и снова закрыл глаза.

«Скоро», — подумал он. — «Скоро я найду способ».

Ведьма Моргана стояла за стеклянной стеной оранжереи и наблюдала.

— Мило, — прошептала она. — Но недостаточно. Им нужен толчок.

Она щёлкнула пальцами, и одно из стёкол в оранжерее треснуло. Тонкая паутина побежала по прозрачной поверхности.

Лео и Алиса обернулись.

— Что это? — спросила она.

— Не знаю. — Лео подошёл к треснувшему стеклу. — Моргана, — выдохнул он. — Она здесь.

Ведьма появилась из ниоткуда — как всегда, в платье из вороньего пера, с чёрными глазами.

— Герцог, — проскрежетала она. — Как мило вы играете в любовь. Но время истекает.

— Что вы имеете в виду? — спросил Лео, заслоня собой Алису.

— Проклятие усиливается, — ответила Моргана. — Каждый раз, когда вы чувствуете сильное желание, оно становится сильнее. Вы думаете, что приближаетесь к снятию? Нет. Вы приближаетесь к смерти. Через месяц вы не сможете касаться даже неживых предметов. Всё, к чему вы прикоснётесь, будет умирать. Даже воздух.

Лео побледнел.

— Вы лжёте.

— Хотите проверить? — Ведьма протянула ему сухой лист. — Коснитесь.

Он медленно протянул руку — в перчатке — и коснулся листа.

Лист рассыпался в прах.

— Раньше вы убивали только живое, — сказала Моргана. — Теперь — всё. Через месяц вы убьёте даже свет, который падает на вашу кожу. Вы станете чёрной дырой. И тогда никто не сможет приблизиться к вам — не то что поцеловать.

— Как это остановить? — спросила Алиса, выходя из-за

спины Лео.

— Только одно, — ведьма улыбнулась. — Коснитесь того, кого любите. Если любовь настоящая, проклятие исчезнет. Если нет — она умрёт. И вы останетесь с проклятием навсегда.

— Вы хотите, чтобы я рискнул её жизнью? — прошептал Лео.

— Я хочу посмотреть, — ответила Моргана. — Ставки высоки, не правда ли?

Она исчезла.

Алиса взяла Лео за руку — через ткань перчатки.

— Мы найдём другой способ, — сказала она. — Я не позволю тебе умереть.

— Я не боюсь умереть, — ответил Лео. — Я боюсь убить тебя.

Он выдернул руку и вышел из оранжереи, оставив Алису одну — с треснувшим стеклом и листом, рассыпавшимся в прах.

Вернувшись в свою комнату, Лео упал на кровать и уставился в потолок.

«Месяц, — думал он. — Через месяц я стану ходячей смертью. Не смогу трогать даже дверные ручки. Не смогу писать пером. Не смогу»

Он посмотрел на свои руки. Белые перчатки казались теперь не защитой, а саваном.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не вставая.

Вошел Роб.

— Ваша светлость, я слышал разговор с ведьмой.

— Ты всё слышишь, Роб.

— Моя работа. — Дворецкий сел на стул у двери — впервые без разрешения. — Я хочу сказать вам кое-что.

— Говори.

— Я видел, как вы целовались через стекло. — Лео вздрогнул, но Роб продолжил: — Я видел, как вы смотрели на неё. Как она смотрела на вас. — Он замолчал. — Я не верил в любовь после смерти Элинор. Но глядя на вас я начинаю верить.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что вы должны рискнуть. — Роб встал. — Коснитесь её. Если она умрёт — вы умрёте вместе. Но если нет вы оба будете жить. А жить без любви — это не жизнь. Я знаю.

Лео сел.

— Ты говоришь это? Ты, который пятнадцать лет избегал прикосновений?

— Я ошибался, — сказал Роб. — Я боялся. Не повторяйте моих ошибок.

Он поклонился и вышел.

Лео остался один.

Он снял перчатки. Посмотрел на свои голые руки. Бледные, длинные, с голубыми венами.

«Я коснусь её, — решил он. — Но не сегодня. Сегодня я должен быть уверен».

Он достал из-под кровати дневник и написал:

«День 3654. Моргана сказала, что у меня месяц. Через месяц я стану смертью. Я должен коснуться Алисы до того, как это случится. Если она умрёт — я последую за ней. Если нет — мы будем счастливы. Третьего не дано»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.